PAGINA TÂNĂRULUI CERCETĂTOR

Александр ГОЛОВКО

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОВЦЕВОДСТВА НА ПРИДНЕСТРОВСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ ВОСТОЧНОГО ПОДОЛЬЯ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

<https://doi.org/10.52603/rec.2021.29.17>

Rezumat

Particularitățile dezvoltării oieritului în lunca Nistrului a Podilliei de Est la sfârșitul sec. al XIX-lea – prima jumătate a sec. XX

Pe baza interpretării surselor arhivistice și a datelor colectate în teren, în articolul analizează specificul creșterii ovinelor în zonele de frontieră moldo-ucrainene și se urmărește manifestările de bază ale interacțiunilor etnoculturale în aceasta. S-a stabilit că, în urma contactelor interetnice pe termen lung în teritoriile transnistrene din Podolia de Est, s-au format complexe etnoculturale cu o simbioză a experiențelor economice, ceea ce este, de asemenea, tipic pentru sfera oieritului. Studiul a folosit metode de comparații istorice, intervievând respondenții și parțial – principiile cartării etnografice. Au fost studiate materialele arhivelor ucrainene de la Kiev, Odessa, Vinnița, precum și din Arhivele Naționale ale Republicii Moldova la Chișinău. Aspectele principale ale temei sunt dezvăluite cu ajutorul materialelor de teren, înregistrate de către autor în anii 2013–2016 în satele situate la granițe între regiunile Vinnița și Odessa din Ucraina. S-au luat în considerare șeptelurile ovinelor, caracteristicile întreținerii lor, formele de pășunat, unele manifestări rituale în oierit. În concluzii s-a făcut un rezumat al faptelor, s-au indicat direcțiile pentru cercetările ulterioare.

Cuvinte-cheie: oieritul, interacțiunea interetnică, zonele de frontieră moldo-ucrainene, lunca Nistrului din Podillia de Est.

Резюме

Особенности развития овцеводства на приднестровских территориях Восточного Подолья в конце XIX – первой половине XX в.

В статье на основе интерпретации архивных источников и собранных полевых данных проанализирована специфика овцеводства в этноконтактной зоне украинско-молдавского пограничья и прослежены базовые проявления в ней этнокультурных взаимодействий. Установлено, что в результате длительных межэтнических контактов на приднестровских территориях Восточного Подолья сформировались этнокультурные комплексы с симбиозом хозяйственного опыта, что характерно и для сферы овцеводства. В исследовании использованы методы сравнительно-исторических сопоставлений, интервьюирования респондентов, частично – принципы этнографического картографирования. Изучены материалы украинских архивов в Киеве, Одессе, Виннице, а также Национального архива Республики Молдова в Кишиневе. Основные аспекты темы раскрыты с помощью экспедиционных материалов автора, зафиксированных в 2013–2016 гг. в пригра-

ничных селах Винницкой и Одесской областей Украины. Рассмотрены такие аспекты, как численность поголовья овец, характеристики их содержания, формы выпаса, некоторые обрядовые проявления овцеводства. В выводах обобщены факты, указаны направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: овцеводство, межэтническое взаимодействие, украинско-молдавское пограничье, приднестровские территории Восточного Подолья.

Summary

Features of sheep breeding development in the Transnistrian territories of East Podillya at the end of the XIX – the first half of the XX century

Based on the interpretation of archival sources and field data, the article analyzes the specifics of sheep breeding in the ethno-contact zone of the Ukrainian-Moldovan borderlands and traces the basic displays of ethnocultural interactions in it. It was found that because of long-term interethnic contacts in the Transnistrian territories of Eastern Podillya, ethnocultural complexes with a symbiosis of economic experiences have been formed, which is also typical for sheep breeding. Methods of historical comparisons, interviewing respondents, and partially – the principles of ethnographic mapping were used in the research. The materials of the Ukrainian archives in Kyiv, Odessa, Vinnitsa, as well as the National Archives of the Republic of Moldova in Chisinau, were examined. The main aspects of the topic were revealed with the help of the author's expedition materials, recorded in 2013–2016 in the border villages of Vinnitsa and Odessa regions of Ukraine. The number of sheep, the characteristics of their keeping, forms of grazing and some ritual manifestations of sheep breeding were considered. In the conclusion, the facts were summarized and the directions for further research were indicated.

Key words: sheep breeding, interethnic interaction, Ukrainian-Moldovan borderlands, Transnistrian territories of East Podillya.

Целью данной статьи является анализ особенностей овцеводства конца XIX – первой половины XX в. в этноконтактной зоне Восточно-Подольского Приднестровья как сферы украинско-молдавских этнокультурных взаимовлияний. Для реализации намеченного необходимо было решить следующие научные задачи: указать основную историографию изучения темы, очертить круг использованных источников, рассмотреть имеющуюся хозяйственную статистику по развитию овцеводства, раскрыть формы его организации,

охарактеризовать особенности ухода за мелким рогатым скотом (далее – МРС) на подольских территориях побережья Днестра, выявить специфику проявлений межэтнического взаимодействия, осуществить обобщение фактов, обозначить перспективные направления дальнейших исследований.

Географические рамки исследования охватывают участок современной государственной границы Украины с Республикой Молдова, локализованной пограничными населенными пунктами Могилев-Подольского, Ямпольского и Песчанского районов Винницкой области, а также Кодымского района Одесской области. Кроме того, были привлечены различные материалы о специфике овцеводства на смежных территориях (в селах нынешних Окницкого, Сорокского, Флорештского, Каменского и Рыбницкого районов Молдовы), отраженные в источниках или зафиксированные в научных трудах других исследователей. Хронологические рамки – конец XIX – середина XX в. Нижняя временная граница связана со степенью отражения развития отрасли в литературе, которая является достаточной для научного анализа. Верхняя граница обусловлена постепенным упадком занятия овцеводством в частных хозяйствах, вызванным замещением натурального образа жизни советским социально-экономическим укладом, а также «порогом памяти» информантов в отношении традиционных хозяйственных практик.

Отметим, что специфика занятия на территориях Восточно-Подольского Приднестровья и влияние на него процессов межэтнического взаимодействия до сих пор оставались за пределами пристального исследовательского внимания. В украинской этнологии овцеводство указанной этноконтактной зоны присутствует либо как объект спорадических сравнений при рассмотрении иных местностей с развитым животноводством (Тиводар 1994, Тучинский 2007, Кушнір 2012), либо как набор отдельных фактов в статистических и народоведческих исследованиях историко-этнографического региона Подолья (Гульдман 1889, Мандибур 1994). Также эта тема раскрывалась на узколокальном уровне – на примере отдельных приднестровских населенных пунктов края (Кушнір 2005, Кожухар 2005). Эпизодические сведения с подольской стороны пограничья также отображены в этнографической литературе, посвященной общему анализу хозяйственного развития Пруто-Днестровского междуречья (Берг 1918, Гросул, Будак 1972, Демченко 1977, Демченко 2010), и в специальной работе о молдавском овцеводстве (Фуртунэ 1989)¹.

Неполнота целенаправленного научного изучения темы актуализировала потребность поиска и

привлечения к анализу ряда источников, прежде всего неопубликованных архивных данных. Для этого нами были проанализированы: информационный потенциал Архивных научных фондов рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рылеского Национальной академии наук Украины (далее – АНФРФ ИИФЭ), дела Государственного архива Одесской области (далее – ГАОО) и Государственного архива Винницкой области (далее – ГАВО). С целью привлечения сравнительных сведений об овцеводстве на смежных территориях Пруто-Днестровского междуречья мы также изучили материалы Национального архива Республики Молдова (далее – НАРМ).

Архивные данные отражают в основном информацию, использованную нами для сопоставления количественных показателей овцеводства. Собственно же этнографические сведения о развитии отрасли на территории Восточно-Подольского Приднестровья были получены в результате опросов информантов в ходе пяти экспедиций автора 2013–2016 гг. в приграничные населенные пункты Могилев-Подольского, Ямпольского и Песчанского районов Винницкой области и Кодымского района Одесской области. Собранные полевые данные лежат в основе статьи и вводятся в научный оборот впервые.

Работа базируется на научных принципах историзма и критического осмысления источников, автор использует сравнительно-исторический (в форме типологических сопоставлений) и этнографический (через инструментальный интервьюирования респондентов) методы. Вспомогательным на этапе структурирования и осмысления полевого экспедиционного материала является применение элементов метода этнографического картографирования².

Рассмотрение развития овцеводства на территории региона начнем с анализа некоторых статистических данных. По подсчетам исследователей хозяйства, в последней трети XIX в. в Бессарабской губернии насчитывалось более 12,3 млн овец (Демченко 1977: 92). В это же время (1883) в хозяйствах Подольской губернии содержалось примерно 3,9 млн голов МРС (Тучинский 2007: 103, табл. 3.15), то есть в три раза меньше, чем на территории Пруто-Днестровского междуречья. Подобная диспропорция наблюдалась и по показателю количества овец на 1 десятину земли: в Бессарабии он был в 2–4 раза выше (Кушнір 2012: 78). По состоянию на 1915 г. Подольская губерния уступала соседней и по критерию численности овец на 100 крестьян: 12 против 65 (Берг 1918: 204–205). Такая динамика показана

ла, что в конце XIX – начале XX в. на общегубернском уровне подольские хозяйства содержали значительно меньше поголовья МРС. Однако если рассмотреть количественные параметры овцеводства в собственно приднестровских уездах края, то разница не будет такой ощутимой. Например, если по состоянию на 1900 г. в крестьянских хозяйствах Сорокского уезда Бессарабии насчитывалось 102260 овец (Гросул, Будах 1972: 334), то по данным 1898 г. в смежных Могилев-Подольском, Ямпольском и Ольгопольском уездах Подольской губернии – 53689, 64949, 62200 и 103330 голов соответственно (Тучинский 2007: 97, табл. 3.11).

Архивные материалы 1894 г. позволяют выявить в сравнительной перспективе численность поголовья овец в хозяйствах отдельных населенных пунктов Сорокского уезда, непосредственно граничащих с Восточным Подолем. Так, в городке Атаки и таких селах одноименной волости, как Слободо-Волчинец, Мерешовка-Атацкая, Мерешовка-Ленкоуцкая, Ленкоуцы и Наславча, насчитывалось 184, 371, 155, 377, 200 и 315 овец (НАРМ, ф. 106, оп. 43, д. 3, л. 41, 42, 44, 45, 46, 48), в поселениях Немировка, Слободзея-Воронково, Воронково Васкоуцкой волости – 815, 650 и 744 (НАРМ, ф. 68, оп. 1, д. 174, л. 24, 34, 39), в селах Жабка, Сенатовка, Нападова Вадул-Рашковской волости – 500, 1620, 325 голов МРС соответственно (НАРМ, ф. 68, оп. 1, д. 175, л. 6, 16, 61).

О содержании овец в хозяйствах приднестровских поселений тогдашних Могилевского и Тульчинского округов на Подолье свидетельствует хозяйственная статистика 1920-х гг. Согласно архивным данным, в этот период в селе Садковцы насчитывалось 1000 овец (ГАВО, ф. Р-489, оп. 1, д. 919, л. 280), Вольфановке – 104, Добрянке – 154, Мироновке – 276 (ГАВО, ф. Р-489, оп. 1, д. 868, л. 499, 503, 582), Кукулах – 887, Студёной – 780, Дмитрашковке – 450, Баштанкове – 120 голов МРС (ГАВО, ф. Р-894, оп. 1, д. 2, л. 167). По состоянию на 1928 г. значительным было поголовье и на тех подольских территориях, которые отошли к Молдавской автономной советской социалистической республике в составе УССР. В частности, в хозяйствах Каменского района тогда содержалось 22417 овец (Молдавия 1928: 111).

Статистические данные конца XIX – первой трети XX в. отражают то, что в хозяйствах отдельных сел Восточно-Подольского Приднестровья количество овец несущественно уступало аналогичному показателю в непосредственной контактной зоне, однако было значительно меньше, если сравнивать со степными местностями пограничья. Приведенные архивные данные относительно исследуемого региона подтверждают общую тенден-

цию роста поголовья МРС в южном направлении, что связано с увеличением в демографической структуре населения доли молдаван, для которых овцеводство составляло одну из базовых моделей жизнеобеспечения.

В 1930–1940-х гг. практики активного содержания овец в домохозяйствах приднестровских сел Восточного Подолья сохранялись. Информанты вспоминали: «Можна сказати, що тримали чуть не всі люди, бо з цього жили» (I). «Люди більшість тримали вівці – по вісім, по десять, по п'ятнадцять даже було» (II). «У кожній хаті – не менше семи-п'яти овець» (III). «Ой, дуже багато було, дуже багато, напевно, десь до пів тисячі на село було» (V). Как зафиксировали исследователи В. Кожухарь и К. Кожухарь в украинском селе Воронково на левом берегу Днестра (Рыбницкий р-н Республики Молдова), в тот же хронологический период овцы имелись не у всех крестьян, но в каждом хозяйстве, где этот скот содержали, насчитывалось примерно 10–30 голов (Кожухарь 2005: 48).

Для развития овцеводства в регионе были благоприятные природные условия, связанные, например, с пересеченностью местного ландшафта. Поселения на обоих берегах Днестра располагались в узких долинах, окруженных многочисленными холмами, балками и оврагами, которые были малопригодными для сельскохозяйственного использования. В 1880-х гг. в южных районах Подолья таких площадей насчитывалось до 30 тыс. десятин, то есть примерно 6% от общего количества земли (Гульдман 1889: 121). Для сравнения: в Сорокском уезде Бессарабской губернии в 1880 г. было 25682 дес. таких участков – тоже 6% от суммарного числа (Гросул, Будах 1972: 277, таб. 39). Если собственно пахотные угодья были отдаленными от сел, то эти «неудобные» земли находились практически в их окрестностях. Подобная структура земельных ресурсов побудила как украинцев, так и молдаван находить им рациональное применение. Следовательно, целесообразным адаптационным решением стало обустройство на необрабатываемых участках пастбищ для овец, а также садов и виноградников. Такой подход к землепользованию существовал и в 1930–1940-х гг., о чем свидетельствуют респонденты из приднестровских сел Ямпольщины: «Були так навздож ярі, поля були далеко, на рівному, а то – пасовиська були» (VI). «А пасли по обочах» (IV). Словом *обочі* местные украинцы именовали склоны близлежащих пригорков и оврагов.

На левобережных приднестровских территориях, как и на правой стороне пограничья, овцеводство имело четко выраженную овчинно-молочную направленность, причем с приблизительным

паритетом обеих хозяйственных нужд. В начале XX в. исследователь Л. Берг указывал: «Овца <...> дает молдаванину все необходимое для жизни: молоко, масло, сыр (брынзу) и мясо, шерсть, смушку и овчину» (Берг 1918: 205). Такая же установка на жизнеобеспечение благодаря содержанию МРС была и у украинцев Восточного Подолья. Ученый-агроном того же времени В. Бартенсон отмечал: «Раньше каждый крестьянин охотно обзаводился овцами, так как из овечьей шерсти изготавливали материал для одежды, сукно, кожа использовалась на полушубок, а мясо – в домашнем обиходе» (ГАОО, Ф. 22, оп. 1, д. 579, л. 88-89). По свидетельствам респондентов, большая потребность в продукции овцеводства сохранялась в местных хозяйствах и в 1930–1940-х гг.: «Вівці тримали для вовни – раз, для молока – другий раз, бринзю робили тоже» (VII). «Для бринзи і вовни тримали, робили килими, робили ці дорожки та підвіконники, це перебирали всьо. Це від Молдавії в нас все пішло» (VIII). «Якщо баранчик вродився, то його то м'ясо з'їдали, а смужок (каракуль) йшов на воротніки, на шапки. Ну, і молоко, бринзя хороша, що їсти» (IX).

Учитывая природные особенности пограничья (лесостепи и степи) и традиционный спрос местных жителей на молочную продукцию, овчину и шерсть, разводили соответствующие породы МРС. На северо-восточных территориях Пруто-Днестровского междуречья получила распространение выращенная путем народной селекции грубошерстная молочная порода с черным или белым мехом – *чушка*, также известная под названием *бессарабская овца* (Фуртунэ 1989: 18). Будучи неприхотливой к кормам и условиям содержания, такая овца за 190-дневный период доения могла дать 13 ведер молока, из которого можно было изготовить в среднем 18–30 фунтов (8–13 кг) брынзы, однако ее шерсть была не лучшего качества (Берг 1918: 208). Существенное усовершенствование овчины и смушек произошло после 1884 г., когда в Бессарабской губернии удачно адаптировался мелкий скот каракулевой породы, привезенный из Средней Азии (Демченко 2010: 204). Нуждаясь в сухих выпасах и проточных водах для водопоя, которых было достаточно в указанном регионе, он в нем успешно закрепился, в отличие от предгорий Карпат, где совсем не прижился, несмотря на попытки его разводить в 1920-х гг. (Тиводар 1994: 84).

Наряду с правобережными территориями Днестра, чушек и особенно каракулей содержали в своих хозяйствах подольские украинцы смежных местностей (Мандибура 1994: 111). Росту поголовья первых двух пород в Восточном Подолье

способствовали непосредственная покупка скота на близлежащих бессарабских рынках, а также, очевидно, практика его дарения как приданого в условиях межэтнической брачности. Потребность в МРС с высокой молочной продуктивностью и грубой шерстью имела и в 1930–1940-х гг. Как вспоминал информант, в крестьянских хозяйствах в основном были овцы «вовнисті – це ці считалися, що даже більше літри молока дають (в день – А. Г.)» (X).

В отличие от более отдаленных времен, когда на землях Пруто-Днестровского междуречья, как и в горных местностях Карпат и на территории юго-западной степи, практиковался отгонный тип овцеводства с сезонным перемещением стад и их зимовкой за пределами поселений, в XIX в. в условиях полной оседлости населения это хозяйственное занятие в восточнороманской среде уже повсеместно имело придомную форму с летним выпасом и содержанием овец недалеко от населенных пунктов (Фуртунэ 1989: 16). Такая же модель содержания МРС была характерна и для украинцев приднестровских местностей Восточного Подолья (Кушнір 2012: 88). В соответствии с этим в весенне-осенние сезоны выпас овец происходил на приселищных угодьях (толоках, полях после сбора урожая, участках под паром), а в холодный период для животных организовывалось стойловое содержание в пределах крестьянских усадеб. Скот зимовал в специальных помещениях – кошарах, которые при сильных морозах дополнительно утеплялись плетеными «загатами» или «шумом» – связанными вместе стеблями кукурузы (Мандибура 1994: 115, Кушнір 2012: 79). Отдельные сооружения для овец могли и не строить, в таком случае их содержали в хлебах рядом с крупным рогатым скотом. Зимой в домашних хозяйствах овец кормили четыре-пять раз в сутки сеном, соломой, половой, а также ботвой и стеблями фасоли (Кушнір 2008: 31, Кожухар 2005: 49).

Основываясь на народном ветеринарном опыте, скот спаривали обычно осенью из расчета, что окот овец и период их лактации наступит после пятимесячного периода вынашивания где-то в первые месяцы весны. Для случки скота использовали общественного барана: «Ну, баран був общественний, це кождий по дньові чи по два його тримали, ну, в кого скільки овець» (XI).

С появлением тепла и первых трав в конце марта – начале апреля на территории Восточно-Подольского Приднестровья начинался весенний выпас овец, который мог быть как индивидуальным, так и на основе найма пастухов. В общем стадо, которое формировалось по территориальному принципу (от улицы или части села), входило и

молочный МРС, и яловый (бараны и подростки ягнята), кое-где приобшались и коз. Большинство же маленьких ягнят резали через несколько дней после рождения с целью получения мерлушек, а мясо употребляли в пищу, но хотя бы одного-двух оставляли на прирост.

По воспоминаниям информантов о реалиях 1930–1940-х гг., пастухами овец из собственного хозяйства были преимущественно дети-подростки. Молодежь этого же возраста, наряду с пожилыми людьми, также нанималась выпасать общую отару. «А пас хто – такий хлопчина, да, примірно п'ятнацять років десь. Було таке, що й старий, як він називався, Харітон цей. Ну, він був такий старий, безграмотний і всьо, ну, вже та й що їму робити. Він кожну вівцю знав по цейго, по її кольору, по її масті, по її поведінню, по всьому» (XIII). Период выпаса был достаточно длительным: «Це від марта місяця до Михайла – це пастухи пасли вівці і ягнята» (VI). Вознаграждение пастухам за работу в течение всего сезона по большей части носило натуральный характер: «Папшої (ну, кукурудзу), трицять кілограм за всьо літо – це за вівці з їдного хазяїна» (XIV).

Начало летнего сезона выпаса овец у украинцев приднестровских местностей Восточного Подолья, Карпатского региона и юго-западной степи, как и у молдаван непосредственного пограничья, издавна было приурочено ко дню Юрия, что выпадает на 6 мая (23 апреля по старому стилю). В православной традиции обоих народов этот святой выступал в роли покровителя скота, пробуждающего летние силы природы. К нему обращались с целью благословения и защиты домашних животных. В ходе экспедиции в Песчанский район Винницкой области нам удалось записать от респондента 1917 г. р. одну из давних таких молитв: «Чуїте, слухайте мене, Господи, Святий Юрій-Побідонос! Побідив змію – побіди всьо нехароше! А типер, Господи, Святий Юрій-Побідонос, благослови всю худобу: корови, вівці, свині, кози – всьо, що є животне на земні! Господи, птиці небесні, Господи, поблагослови, Господи, Святий Юрій! А змію ни треба благословити, бо вона кусає, не-не, то не, то вже ни треба, то най счизає!» (XV).

У украинцев и молдаван существовало общее поверье, что в ночь перед праздником активизируются ведьмы и другие злые силы, которые, собиравая до восхода солнца на пастбище росу в цедилку или «ворочек» (мешочек для сыра с остроугольным дном), могли отобрать «ману», то есть продуктивность у скота (Фуртунэ 1989: 57, АНФРФ ИИФЭ, ф. 14, оп. 5, д. 516, л. 23). Магическим способом уберечься от возможного вреда считалось выкапывание кусков дерна и их установление

вместе с колючими кустарниками или ивовыми ветвями на воротах усадеб и на крышах хозяйственных помещений (Фуртунэ 1989: 57, АНФРФ ИИФЭ, ф. 14, оп. 3, д. 458, л. 47об).

Отделение из общего стада МРС каждой улицы или «кутка» села отдельной отары дойных овец украинцы приднестровских сел Восточного Подолья обычно приурочивали ко дню Юрия. Хозяева начинали выпасать молочное стадо поочередно, формируя своеобразный кооператив. В условиях сравнительно небольшого поголовья скота такая традиция общественной взаимопомощи была оптимальным способом получения необходимого количества молока для изготовления овечьих сыров долгосрочного хранения, из которых складывались пищевые запасы большинства семей.

В середине XX в. как собственно стадо дойных овец, так и форма их выпаса на территории Восточно-Подольского Приднестровья имела два названия: украинское и заимствованное вследствие этнокультурного взаимодействия. Первое название – *дійняк* – в основном было распространено в селах Ямпольского района, спорадически – ниже на пограничье, где издавна поселенческую сеть формировало почти исключительно украинское население, а доля молдаван в демографической структуре была низкой. Однако в пограничной зоне Песчанского и Кодымского районов, граничащей с теми подольскими территориями левобережья Днестра, которые заселялись двумя народами на протяжении XVIII в., и ныне находятся в составе Молдовы, более активные межкультурные контакты способствовали усвоению в украинской среде восточнороманского термина *mânzări*, что в местной речи приобрел варианты – *мензер*, *минзер* и *минзарь*. Для обозначения общей отары, которую после отлучения дойного МРС продолжал выпасать ранее нанятый пастух, употребляли собственно украинскую номинацию *ялівник* либо же собирательные названия *отара*, *череда*, *табун*, а в пограничных селах Песчанского и Кодымского районов – заимствованное наименование *турма* (от рум. *turmă* – стадо). Пространственная локализация этих названий отражена на картосхеме (Илл. 1).

Опрошенные респонденты засвидетельствовали практики отделения отар дойных и яловых овец в первой половине XX в.: «Як ми маємо чотири вівці, що дояця, то ми ці вівці у дійняк здаєм, а ті вівці йдуть до стада туди – ото вони вже в череді окремо» (XVI). «В мензарі йшли ті, що дійні, а то – ялівник, де ягнята, то само собою були» (IV). «В обцім, ягнята відлучали окремо, це називалось в нас, називалась "турма". А вівці, які доїлися, – ті називали "дійняк". В обцім, у нас,

допустим, трицять хат, і це ми одна турма і один дійняк» (XVII).

В день, когда впервые сгоняли «дійняк» / «мензер», устраивали контрольный надой для оценки молочной продуктивности овец. На севере Молдовы, в Карпатском регионе и юго-западных степных районах Украины, где в основном пользовались услугами коллектива чабанов, подобная процедура «*circuitul*» (Фуртунэ 1989: 20), «ряду», «міри» (Тиводар 1994: 115), «передойки» либо «літровки» (Кушнір 2012: 85) выполнялась с целью учета будущей продукции, которую затем пастухи отдавали хозяевам МРС. В приднестровских же селах Восточного Подолья благодаря этой мере молока определяли количество дней выпаса и доения каждым участником кооператива всего стада.

Мерками в отдельных местностях этнокультурного пограничья были емкости различной величины. Восточные романцы Пруто-Днестровского междуречья, например, использовали чашу емкостью 0,6 л под названием *сиря* (Фуртунэ 1989: 20), восточнославянское население Гуцульщины – *кубок* (0,5 л), *цинівку* (0,35 л), в Закарпатье – *кафель* (0,2 л) (Тиводар 1994: 117-118), украинцы и молдаване степных местностей современной Одесской области – 200-граммовый стакан (Кушнір 2012: 85). Согласно полевым этнографическим данным, в первой половине XX в. мерки примерно такого же объема (0,2–0,5 л) существовали и на территории Восточно-Подольского Приднестровья. В большинстве сел края объем молока определяли с помощью «кварти», «горнятка», чашки, стакана. Кое-где на Ямпольщине во время контрольного надоя пользовались специальной 250-миллилитровой гончарной посудиною, которая называлась *вадро* (XVIII).

Из свидетельств информантов узнаем о специфике проведения контрольного надоя, особенностях жеребьевки и определения продолжительности выпаса всей отары. «Це трицять хат, люди збиралися всі, доїли ті вівці, видоювали і це міряли – горнятко було таке. Допустім, горнятко тому молока – ти два дні пасеш, є дві горнятки молока – чотири дні пасеш тоді дійняк» (XVII). «Був визначений день, коли всі хазії приходили і доїли своїх овец, доїли і потому міряли на стакан. Якшо, наприклад, мої п'ять овец здали десіть стаканів молока, значить, я буду їх тримати п'ять днів. То по черзі пасли. Там тягнули номерки. Зразу, лиш коли виганяють, вони складають такий список – такий номер і всьо, хто за ким, і пасут» (VIII). «Збиралися хазії, робили жереби, патички клали – той витягнув п'ятий номер, шостий, кому який попав. Номирів зо трицять, тай кому який попав. Так дої-

ли по череді – по номирах. Два стакани молока в день – це йшло так в нас на ті мензарі» (IV). Поскольку в течение лета уменьшалась кормовая база и это влияло на продуктивность овец, их хозяева могли делать еще один-два аналогичных контрольных надоя.

Если участник кооператива в порядке очереди выпасал стадо дойных овец несколько дней подряд, то каждый вечер пригонял их в загон на собственном дворе – «обору». Однако не все крестьяне имели возможность сделать дома специальную постройку для содержания и доения МРС, а потому часто арендовали ее у более состоятельного соседа (Кушнір 2005: 27). В таком случае с арендатором рассчитывались овечьим молоком: «Хазяїн доїв два дні за обору» (IV).

Используя молдавский опыт, украинцы степных местностей, как и пограничных территорий Восточного Подолья, содержали овец в загоне, а доили их в специально пристроенном сооружении с одной-тремя калитками для прохода скота. В Пруто-Днестровском междуречье и на юго-западных территориях современной Одесской области такое отверстие называли *струнга* (от рум. *strungă* – щель) (Демченко 2010: 207, Кушнір 2012: 88), а спорадически в селах исследуемого региона – местным фонетическим вариантом *струнка*: «Тут перед оборою була така комната, де вони доїли. Тут жінка одна стояла, і там одна жінка стояла, і там доїла. І це пускали в струнку» (XIX).

В отличие от других регионов развития овцеводства, где это занятие было полностью в ведении профессионального коллектива мужчин, в селах Восточно-Подольского Приднестровья доение всей овечьей отары было обязанностью каждой женщины-хозяйки, которая чаще всего обращалась за помощью к родственникам, друзьям и соседям. В отдельных подольских селах сразу же при формировании молочного кооператива оговаривался принцип взаимопомощи всех участников объединения: «Доїм один день одному члену цюї череди, на другий день доїм, віддаємо молоко другій, вона вже робе бринзю із цього молока» (XII). Украинцы края применяли тот же способ доения овец, что и коров, – сидя сбоку, однако молдаване непосредственного пограничья и более южных степных местностей использовали хозяйственную практику «доения сзади» (Кушнір 2012: 85).

Обычно во время летнего выпаса недоенных овец, который осуществлял нанятый общиной чабан, скот каждый вечер возвращался во дворы хозяев. Однако в отдельных селах на период функционирования молочного кооператива пастух яло-

Илл. 1. Картосхема «Названия отар дойных и недойных овец на приграничных территориях Восточного Подолья в первой половине XX века». Составил А. Головки.

Источники информации – экспедиционные материалы автора

вого МРС мог целый сезон держать его в загоне у себя дома: «Він навіть у себе їх тримав до осені, пока ці вівці, які діїні були, підуть назад в цю отару» (VIII). В сентябре – начале октября молочный скот возвращался назад в общее стадо, и с тех пор начинался осенний этап выпаса овец. В Восточно-Подольском Приднестровье он продолжался до первого снега, а в некоторых местностях заканчивался ко дню Святого Михаила (21 ноября), поскольку по украинским народным представлениям этот святой перенимал ключи от Юрия и закрывал на полгода лето.

Проведенный анализ архивных и полевых этнографических материалов позволил прийти к следующим выводам.

1. В указанный хронологический период в хозяйствах украинцев и молдаван пограничья содержалось примерно соизмеримое поголовье овец, которое было достаточным для удовлетворения домашних запросов жителей.

2. Овцеводство края имело овчинно-молочную направленность, поскольку большим спросом пользовались и мерлушка с шерстью (как сырье для изготовления одежды, для ткачества и ковроделия), и овечьи сыры (как стратегические пище-

вые запасы).

3. Сходство природных условий и идентичные хозяйственные нужды населения обеих сторон пограничья обусловили разведение в этноконтрактной зоне соответствующих пород овец.

4. Как и на других участках украинско-молдавского пограничья, данная хозяйственная отрасль определялась придомной формой организации. Однако в отличие от бытующих в иных местностях пастушьих типов летнего выпаса МРС, на территории Восточно-Подольского Приднестровья в результате межэтнических заимствований хозяйственных практик, их названий, а также вследствие их переосмысления собственной культурой были выработаны оригинальные кооперативные способы выпаса молочного скота. Они демонстрировали высокую степень соседской взаимопомощи и рациональность модели жизнеобеспечения.

Немало сопутствующих вопросов остаются перспективными для дальнейшего изучения. В частности, не проанализированы такие аспекты, как практики советского колхозного содержания МРС в регионе, причины исчезновения домашнего направления отрасли, ассортимент и техно-

логия изготовления овечьих сыров, их роль в гастрономической культуре населения, способы обработки шерсти и мерлушки, комплекс обычаев, обрядов и народных представлений, связанных с овцеводством. Очерченный круг задач планируем реализовать в следующих публикациях.

Примечания

¹ В историографии к данной статье мы рассматриваем только основные научные работы, информация в которых касается непосредственно овцеводства Восточно-Подольского Приднестровья или же используется нами для сравнительного типологического рассмотрения этнографических особенностей отрасли.

² Создавая на основании полевых экспедиционных материалов картосхему распространения названий, обозначающих овечьи отары в регионе, автор пользовался методическими подходами к географическому представлению названий и реалий народной культуры, которые были разработаны этнологами Н. Гаврилюк и Л. Пономарь в исследованиях особенностей родильной обрядности и традиционной одежды украинцев.

Список информантов

I. Богацкая Анна Тимофеевна, 1929 г. р. Зап. А. Головка 8 июля 2014 г. в с. Грабаровка Песчанского р-на Винницкой обл., Украина.

II. Муляр Феодосий Захарович, 1933 г. р. Зап. А. Головка 8 июля 2014 г. в с. Трибусовка Песчанского р-на Винницкой обл., Украина.

III. Шайтан Александр Данилович, 1931 г. р. Зап. А. Головка 10 августа 2013 г. в с. Петрашовка Ямпольского р-на Винницкой обл., Украина.

IV. Брик Лидия Филипповна, 1934 г. р. Зап. А. Головка 21 августа 2013 г. в с. Великая Косница Ямпольского р-на Винницкой обл., Украина.

V. Малай Екатерина Евгеньевна, 1936 г. р. Зап. А. Головка 21 мая 2014 г. в с. Садковцы Могилев-Подольского р-на Винницкой обл., Украина.

VI. Слуцкая Нина Васильевна, 1929 г. р. Зап. А. Головка 20 августа 2013 г. в с. Должок Ямпольского р-на Винницкой обл., Украина.

VII. Хибовская Лидия Михайловна, 1935 г. р., родилась в с. Яруга Могилев-Подольского р-на Винницкой обл., Украина. Зап. А. Головка 23 мая 2014 г. в с. Немия Могилев-Подольского р-на Винницкой обл., Украина. Информация об овцеводстве в с. Яруга.

VIII. Швец Анна Кирилловна, 1936 г. р. Зап. А. Головка 11 июля 2014 г. в с. Болган Песчанского р-на Винницкой обл., Украина.

IX. Полторак Петр Моисеевич, 1931 г. р. Зап. А. Головка 7 июля 2014 г. в с. Студёная Пес-

чанского р-на Винницкой обл., Украина.

X. Гервазиев Федор Иванович, 1931 г. р. Зап. А. Головка 22 мая 2014 г. в с. Субботовка Могилев-Подольского р-на Винницкой обл., Украина.

XI. Грабаровский Федор Дмитриевич, 1930 г. р. Зап. А. Головка 8 июля 2014 г. в с. Грабаровка Песчанского р-на Винницкой обл., Украина.

XII. Винявская Галина Фрезантиевна, 1932 г. р., родилась в с. Грабово Кодымского р-на Одесской обл., Украина. Зап. А. Головка 7 июля 2014 г. в с. Дмитрашковка Песчанского р-на Винницкой обл., Украина. Информация об овцеводстве в с. Грабово.

XIII. Калиниченко Михаил Дмитриевич, 1934 г. р. Зап. А. Головка 21 июля 2013 г. в с. Яруга Могилев-Подольского р-на Винницкой обл., Украина.

XIV. Белинский Петр Феодосиевич, 1939 г. р. Зап. А. Головка 10 июля 2014 г. в с. Верхняя Слободка Песчанского р-на Винницкой обл., Украина.

XV. Васалатий Агафья Зиновьевна, 1917 г. р. Зап. А. Головка 7 июля 2014 г. в с. Студёная Песчанского р-на Винницкой обл., Украина.

XVI. Машталяр Анна Григорьевна, 1938 г. р. Зап. А. Головка 5 августа 2013 г. в с. Мироновка Ямпольского р-на Винницкой обл., Украина.

XVII. Сандульская Валентина Николаевна, 1947 г. р., родилась в с. Добрянка Ямпольского р-на Винницкой обл., Украина. Зап. А. Головка 14 августа 2013 г. в с. Пороги Ямпольского р-на Винницкой обл., Украина. Информация об овцеводстве в с. Добрянка.

XVIII. Соловская Неля Андреевна, 1929 г. р. Зап. А. Головка 12 августа 2013 г. в с. Русава Ямпольского р-на Винницкой обл., Украина.

XIX. Демьянова Раиса Кузьминична, 1935 г. р. Зап. А. Головка 29 сентября 2016 г. в с. Шершенцы Кодымского р-на Одесской обл., Украина.

Архивные источники

АНФРФ ИИФЭ, ф. 14, оп. 5, д. 516, л. 23.

АНФРФ ИИФЭ, ф. 14, оп. 3, д. 458, л. 47об.

ГАВО, ф. Р-489, оп. 1, д. 868, л. 499, 503, 582.

ГАВО, ф. Р-489, оп. 1, д. 919, л. 280.

ГАВО, ф. Р-894, оп. 1, д. 2, л. 167.

ГАОО, ф. 22, оп. 1, д. 579, л. 88-89.

НАРМ, ф. 106, оп. 43, д. 3, л. 41-48.

НАРМ, ф. 68, оп. 1, д. 174, л. 24, 34, 39.

НАРМ, ф. 68, оп. 1, д. 175, л. 6, 16, 61.

Литература / References

Берг Л. Бессарабия: Страна. Люди. Хозяйство. Петроград: Огни, 1918. 196 с. / Berg L. Bessarabiya: Strana. Lyudi. Khozyaystvo. Petrograd: Ogni, 1918. 196 s.

Гросул Я., Будак И. Очерки истории народного хозяйства Бессарабии: 1861–1905 гг. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1972. 602 с. / Grosul Ya., Budak I. Ocherki istorii narodnogo khozyaystva Bessarabii: 1861–1905 gg. Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1972. 602 s.

Гульдман В. Подольская губерния. Опыт географическо-статистического описания. Каменец-Подольский, 1889. 510 с. / Gul'dman V. Podol'skaya guberniya. Opyt geograficheskogo-statisticheskogo opisaniya. Kamenets-Podol'skiy, 1889. 510 s.

Демченко Н. Животноводство. В: Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения / Под ред. Я. С. Гросула. Кишинев: Штиинца, 1977. 459 с. / Demchenko N. Zhivotnovodstvo. V: Moldavane. Ocherki istorii, etnografii, iskusstvovedeniya / Pod red. Ya. S. Grosula. Kishinev: Shtiintsa, 1977. 459 s.

Демченко Н. Традиционные занятия. В: Молдаване / Отв. ред. М. Н. Губогло, В. А. Дергачев. М.: Наука, 2010. 542 с. / Demchenko N. Traditsionnyye zanyatiya. V: Moldavane / Otв. red. M. N. Guboglo, V. A. Dergachev. M.: Nauka, 2010. 542 s.

Кожухар В., Кожухар К. Матеріальна культура і господарство українців та їх відображення у говірці села Воронкове. В: Українці Придністров'я (Матеріали етнографічних досліджень). Вип. 1. Одеса, 2005. 95 с. / Kozhukhar V., Kozhukhar K. Material'na kul'tura i hospodarstvo ukrayintsiv ta yikh vidobrazhennya u hovirtsi sela Voronkove. V: Ukrayintsi Prydnistrov"ya (Materialy etnohrafichnykh doslidzhen'). Vyp. 1. Odesa, 2005. 95 s.

Кушнір В. Господарсько-побутова адаптація українців південно-західного степу і Нижнього Подунав'я (друга половина XIX – перша половина XX ст.). Одеса: КП ОМД, 2012. 192 с. / Kushnir V. Hospodars'ko-pobutova adaptatsiya ukrayintsiv pivdenno-zakhidnoho stepu i Nyzhn'oho Podunav'ya (druha polovyna XIX – persha polovyna XX st.). Odesa: KP OMD, 2012. 192 s.

Кушнір В. Допоміжні види господарської діяльності українців Лівобережжя Дністра. В: Українці Придністров'я (Матеріали етнографічних досліджень). Вип. 1. Одеса, 2005. 95 с. / Kushnir V. Dopomizhni vydy hospodars'koyi diyal'nosti ukrayintsiv Livoberezhzhya Dnistra. V: Ukrayintsi Prydnistrov"ya (Materialy etnohrafichnykh doslidzhen'). Vyp. 1. Odesa, 2005. 95 s.

Кушнір В. Народознавство Одещини: навч. посіб. Одеса: Сміл, 2008. 208 с. / Kushnir V. Narodoznavstvo Odeschyny: navch. posib. Odesa: Smil, 2008. 208 s.

Мандибур М. Допоміжні види господарської діяльності. В: Поділля. Історико-етнографічне дослідження. Київ: Доля, 1994. 504 с. / Mandybura M.

Dopomizhni vydy hospodars'koyi diyal'nosti. V: Podillya. Istoryko-etnohrafichne doslidzhennya. Kiiv: Dolya, 1994. 504 s.

Молдавия. Статистические материалы. Балта, 1928. 322 с. / Moldaviya. Statisticheskiye materialy. Balta, 1928. 322 s.

Тиводар М. Традиційне скотарство Українських Карпат другої половини XIX – першої половини XX ст.: Історико-етнографічне дослідження. Ужгород: Карпати, 1994. 560 с. / Tyvodar M. Tradytisyne skotarstvo Ukrayins'kykh Karpat druhoyi polovyny XIX – pershoyi polovyny XX st.: Istoryko-etnohrafichne doslidzhennya. Uzhhorod: Karpaty, 1994. 560 s.

Тучинський В. Молдовани Півдня України з найдавніших часів до початку XX ст. Вінниця, 2007. 220 с. / Tuchyns'kyy V. Moldovany Pivdnya Ukrayiny z naydavnishykh chasiv do pochatku XX st. Vinnytsya, 2007. 220 s.

Фуртунэ А. Овцеводство у молдаван в XIX – начале XX в. Кишинев: Штиинца, 1989. 120 с. / Furtune A. Ovtsevodstvo u moldavan v XIX – nachale XX v. Kishinev: Shtiintsa, 1989. 120 s.

Aleksandr Golovco (Kiev, Ucraina). Cercetător științific inferior, Institutul Studiului Artelor, Folclorului și Etnologiei „M. Rylski”, Academia de Științe din Ucraina.

Александр Головко (Київ, Україна). Младший научный сотрудник, Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Ф. Рильского, Национальная академия наук Украины.

Oleksandr Holovko (Kyiv, Ukraine). Junior Research Fellow, M. Rylsky Institute of Art Studies, Folklore and Ethnology, National Academy of Sciences of Ukraine.

E-mail: holovko90@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0270-6715>